

Научная статья

УДК 81'255.2

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-125-135

ПЕРЕВОД В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОТРАЖЕНИЕ, ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИЛИ ИСКАЖЕНИЕ?

Хухуни Георгий Теймуразович

Государственный университет просвещения,
Москва, Россия,

khukhuni@mail.ru, <https://orcid.org/009-004-9168-0079>

Аннотация. Статья посвящена одной из наиболее важных и актуальных проблем теории и практики перевода, касающейся отношения перевода к оригиналу и степени допустимости его отклонения от исходного текста в процессе межъязыковой передачи. Цель статьи состоит в выявлении случаев, иллюстрирующих отход переводчика от тех или иных сторон подлинника, и анализе обусловивших его причин как объективного (собственно лингвистические моменты, вызванные расхождением систем исходного и переводного языка, факторы культурного порядка, необходимость соблюдения цензурных ограничений и т. п.), так и субъективного характера (цель, с которой выполняется перевод, установка, данная заказчиком, и др.). Материалом исследования служат переводы художественных произведений в широком смысле слова, в связи с чем отмечается, что, с одной стороны, сам объем указанного понятия в различные эпохи мог быть неодинаков (ср.: статус философских, исторических и других произведений в античную эпоху), а с другой — что сакральные тексты, в первую очередь составляющие канон Священного Писания, занимают особое место в этом ряду, обладая характерными чертами как художественного, так и специального перевода. В ходе работы использовались общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, а также специальные методы филологического изучения фактического материала и сопоставления полученных данных. Сделанные автором выводы будут способствовать

дальнейшей разработке ряда положений теории перевода и могут найти применение в переводческой практике. Результатом исследования служит подтверждение необходимости уточнения понятия собственно перевода, его отграничения от других видов межкультурной и межкультурной коммуникации и критическая оценка положений скопос-теории, абсолютизирующей решающую роль заказчика перевода.

Ключевые слова: оригинал, перевод, межкультурный, скопос-теория, преобразование, искажение.

Для цитирования: Хухуни, Г. Т. (2026). Перевод в межкультурной коммуникации: отражение, переосмысление или искажение? *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(62), 125–135. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-125-135>

Original article

UDC 81'255.2

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-262-125-135

TRANSLATION IN INTERCULTURAL COMMUNICATION: REFLECTION, REFRAMING, OR DISTORTION?

Georgy T. Khukhuni

State University of Education,
Moscow, Russia,

khukhuni@mail.ru, <https://orcid.org/009-004-9168-0079>

Abstract. The paper is dedicated to one of the important and actual problems of the theory and practice of translation, connected with the correspondence of the source and target text and the limit of its deviation from the original. The aim of the present work is to detect the cases that illustrate the divergence of the translator from some formal and substantiate sides of original and analysis of its reasons, both objective (proper linguistic moments determined by the difference of the source and target language systems, cultural factors, demands of the censorship, etc.) and subjective ones (the aim of the translation, the wish of the customer, and so on). The research material is represented with the literary texts in wide sense. It is mentioned that, from one hand, the notion of such texts wasn't the same in different times (cf.: the status of philosophical, historical and other works in antiquity), whereas, on the other hand, the sacred texts, first of all the Holy Writ canon may be treated as a separate type combining the features both of the literary and special translation. During the investigation the theoretical methods of analysis, synthesis and the generalization were used, as well as a special method of philological study of the sources and their comparison. The conclusions may be used in further development of the theory and practice of translation. The result of the investigation is the confirmation of the necessity to clarify the notion of the translation in pure sense and its delimitation from other types of interlingual/intercultural communication and critical estimation of the scopos theory with its absolutization of the customer's role.

Keywords: original, translation, intercultural, scopos theory, reframing, distortion.

For citation: Khukhuni, G. T. (2026). Translation in intercultural communication: reflection, reframing, or distortion? *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(62), 125–135. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-262-125-135>

Введение

При рассмотрении вопроса о том, насколько связан (или, напротив, свободен) переводчик по отношению к исходному тексту, чаще всего оперируют материалом, имеющим принадлежность к художественной литературе. При этом, правда, оговаривается ряд моментов: неодинаковое понимание в те или иные эпохи того, что следует к ней относить (как известно, историки античной литературы рассматривают в этом ряду и речи ораторов, и философские, и — в тогдашнем понимании — исторические, а отчасти даже научные тексты). Особо стоит вопрос о произведениях религиозного характера, в первую очередь о книгах Священного Писания и др., которые совмещают в себе признаки различных жанров и рассматриваются отдельно.

Но и когда речь идет о собственно художественном творчестве в привычном нам значении, традиционно наблюдалась определенная иерархия свободы, что наглядно проявилось в известном афоризме В. А. Жуковского о переводчике в прозе как о рабе и переводчике в стихах как о сопернике (хотя в специальной литературе и была попытка переосмыслить это изречение (Микушевич, 1971)).

Однако, независимо от трактовки жанровой иерархии при межъязыковой передаче, практически всегда в том или ином виде оставалась актуальной проблема, касающаяся необходимости/возможности/целесообразности разграничения собственно перевода и соприкасающегося с ним, но тем не менее принципиально иного вида *собственно творческой* деятельности. Цель настоящей статьи — показать случаи *сознательного* отклонения переводчика от оригинала, выявить некоторые причины последнего и тем самым внести вклад в возможное решение данного вопроса.

Методология исследования

Помимо использования общенаучных методов, применяемых в научных трудах (анализ, синтез, обобщение), характер предлагаемой работы предполагал применение специальных методов филологического анализа источников, рассмотрения позиции авторов по данной проблеме и их сопоставления, а также критического анализа положений тех концепций, которые, на наш взгляд, растворяют перевод как особый вид межъязыковой коммуникации среди других видов последней.

Результаты исследования и дискуссия

Прежде всего, считаем целесообразным указать на следующее обстоятельство. Говоря об отклонениях переводного текста от исходного, мы не имеем в виду различного рода переводческие ошибки, вызванные либо непониманием оригинала (т. е. неадекватным предпереводческим анализом), либо неумением подобрать в переводном языке такие средства, которые позволят надлежащим образом передать подлинник. Поскольку передача художественного текста обычно осуществляется на родной язык переводчика (оставляем сейчас в стороне дискуссию о том, всегда ли понятие родного языка поддается однозначному определению), такая ситуация может показаться несколько странной. Однако о том, насколько серьезно воспринималась названная проблема, свидетельствует тот факт, что в известной Хартии переводчика, принятой на конгрессе Международной федерации переводчиков в Дубровнике в 1963 году и несколько отредактированной в Осло в 1994 году, которая в основном была посвящена как раз художественному переводу, особо подчеркивалось: «Переводчик должен хорошо знать язык, с которого переводит, и, что еще важнее, в совершенстве владеть языком, на который переводит» (Хартия переводчика, 1965, с. 497).

Когда обращаются к вопросу о причинах сознательного пренебрежения автором со стороны переводчика, называют факторы как объективного, так и субъективного характера. Обратимся сначала к первым.

Во-первых, это собственно лингвистическая сторона. Хотя восходящий еще к В. фон Гумбольдту тезис о том, что, в принципе, любое сообщение можно, хотя и с неодинаковым успехом, передать на любом языке, разделяется большинством работающих в данной области, но, как показывает практика, в тех случаях, когда в языке перевода отсутствуют или не сформировались языковые средства выражения тех или иных понятий, переводчику приходилось прибегать ко всякого рода ухищрениям, чтобы хотя бы приблизительно довести идею (о форме в таких случаях говорить сложно) исходного текста до читателя. В истории отечественного перевода данный фактор особенно наглядно проявился в XVIII веке, когда шел процесс формирования русского литературного языка. Поэтому, несмотря на весьма большой размах переводческой деятельности и наличие среди тех, кто ею занимался, столь значимых для русской литературы личностей, как В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков и др. (не говоря уже о М. В. Ломоносове), актуальное значение большинство созданных тогда переводов утратило довольно быстро.

Во-вторых, могут вступить в силу причины культурного порядка. Вряд ли произведение с ярко выраженной христианской окраской найдет соответствующий отклик, скажем, в ортодоксально мусульманской аудитории, и наоборот, — обстоятельство, заметно проявившееся в период средневековых контактов двух названных цивилизаций.

В-третьих, не приходится забывать и о таком моменте, как официальная, а иногда и неофициальная цензура, — явление, достаточно хорошо известное в нашей стране в различные эпохи ее существования.

Когда говорят о факторах субъективного порядка (хотя между ними и теми, которые были рассмотрены ранее, может нередко наблюдаться и пересечение), вспоминают обычно эпоху классицизма с ее приверженностью, по выражению А. С. Пушкина, «исправительным переводам» (Пушкин, 1951, с. 488). Однако вопрос этот, как показывает опыт, не потерял актуальности (хотя, естественно, с использованием иной аргументации) и в позднейшие эпохи. Конечно, сейчас вряд ли можно встретить столь прямолинейное «уравнивание» переводчика с автором, как это имело место, скажем, в декларациях некоторых представителей названного литературного направления, заявлявших, что, воссоздавая на своем языке, например, поэмы Гомера, они считают себя в одних случаях переводчиками, а в других — авторами; но и в наши дни высказываются как постулат о том, что «такие виды языкового посредничества как сокращенный перевод и адаптация... должны рассматриваться как виды собственно перевода, а не адаптивного транскодирования» (Сдобников, 2016, с. 29), так и суждение противоположного характера: «В пересказе, реферате, критическом обзоре и пр. интерпретация практически ничем не ограничена: ее итогом является переосмысление текста. В переводе интерпретация несвободна, переводу доступно лишь осмысление текста» (Иванов, 2015, с. 53); (ср. также: (Шлепнев, 2018)).

Вместе с тем можно с известным основанием утверждать, что в различные периоды (говорим о переводе в западных странах и России/СССР) в роли преобладающей (но отнюдь не единственной!) могла выступать либо первая, либо вторая тенденция. Скажем, во второй половине прошлого века в нашей стране шли бурные споры между представителями литературоведческого и лингвистического подходов к художественному переводу (по понятным причинам, вопрос о переводе религиозной литературы в этих дискуссиях не фигурировал), причем внутри каждого течения наблюдались достаточно существенные расхождения. Однако тезис о том, что оригинал все-таки первичен, а перевод вторичен, в целом принимался и теми и другими. Отметим, что аналогичная позиция была высказана и в упомянутой ранее Хартии переводчика. В ней содержится, во-первых, признание переводчика «вторичным автором», в связи с чем указывается, что он «берет на себя особые обязательства по отношению к автору оригинала» (Хартия переводчика, 1965, с. 497). Во-вторых, подчеркивается, что «всякий перевод должен быть верным и точно передавать мысль и форму оригинала, соблюдение такой верности является юридической и моральной обязанностью переводчика» (Там же) (с оговоркой о недопустимости смешения верного перевода с буквальным). В-третьих, — что представляется особенно интересным в свете некоторых получивших в дальнейшем распространение переводоведческих концепций — в Хартии переводчика

декларируется следующее: «За перевод отвечает только переводчик, каковы бы ни были отношения и договор, связывающие его с лицами и учреждениями, использующими перевод» (Там же).

Однако представляется в какой-то степени симптоматичным, что в этот же период появляются концепции, ставящие под сомнение названные, казалось бы, прочно утвердившиеся принципы — в 60-е годы теория «динамической (позже функциональной) эквивалентности» Ю. Найды (Nida 1964), в 80-е — скопос-теория К. Райс и Х. Фермеера (Reiß, Vermeer 2014) (мы пользовались английским переводом, выполненным их продолжательницей К. Норд уже в 10-е годы нашего столетия). Хотя представители последней подчеркнуто (иногда, на наш взгляд, даже несколько чрезмерно) декларировали свои принципиальные расхождения с первой, однако определенная близость между ними прослеживается хотя бы в отмежевании от процитированного ранее постулата, согласно которому «всякий перевод должен быть верным и точно передавать мысль и форму оригинала» (Хартия переводчика, 1965, с. 497). Но одно принципиальное различие между ними (во всяком случае, в теоретическом плане) все-таки действительно существует. Ю. Найда, обосновывая необходимость преобразования *формы* сообщения, утверждал, что таковое вызвано необходимостью сохранить его *содержание*. Правда, насколько правомерно (особенно в художественном и религиозном текстах — а труды Ю. Найды, как известно, строились на материале переводов Библии) отрывать одно от другого — вопрос достаточно спорный, тем более что сама форма понималась американским переводоведом достаточно широко, но для нас в данном случае важно именно то, что сам по себе тезис, согласно которому в переводе должно быть *сохранено содержание*, по крайней мере на уровне декларации, Ю. Найдой и его коллегами признается.

Что касается скопос-теории, то здесь ситуация представляется несколько иной. Не останавливаясь подробно на ее рассмотрении, отметим только, что она обнаруживает некоторые параллели (хотя и в несколько специфической области) с получавшим как раз в эти годы на Западе распространением постмодернистского релятивизма, с одной стороны, и концепцией деконструкции и «смерти автора» — с другой. Это обстоятельство отмечали и в специальной литературе, хотя сами создатели скопос-теории, насколько нам известно, такую связь особо не подчеркивали — во всяком случае, в их работе нет ссылок на таких авторов, как Ж. Деррида, М. Фуко или У. Эко. И в этой связи, естественно, вновь возникает традиционный вопрос: насколько обязательна для переводчика содержательная сторона текста? И можно ли говорить применительно к ней о неких «красных линиях», пересечение которых уже не позволяет вести речь о переводе? Подчеркнем: мы не отрицаем возможности того, что если в роли оригинала выступает произведение с преобладающей эстетической функцией, результатом такого пересечения может стать появление текста, многими расцениваемого как превосходящий свой прототип, — но здесь позволим себе

вспомнить известный и не раз повторявшийся афоризм: «Перевод не должен быть лучше оригинала» (курсив наш. — Г. Х.). Заметим, что несколько столетий назад на это обстоятельство обратил внимание Джон Драйден (кстати, его считают основоположником английского классицизма). По его мнению, действительно таким путем может быть создано нечто великое и даже более великое, чем подлинник, но далеко не всякий человек (имеется в виду, естественно, автор оригинала), ожидающий уплаты долга, будет доволен, получив вместо него подарок (Dryden, 1992).

Отвлекаясь от оценочных параметров («лучше/хуже»), подчеркнем, что если предшественники скопос-теории — будь то классицисты XVIII века или приверженцы теории динамической эквивалентности XX века — ссылаются главным образом на лингвокультурные моменты, то представители последней выдвигают на передний план понятие цели перевода (что проявляется в названии теории) и фигуру заказчика, по идее, предписывающего, что и как должно сообщаться, независимо от того, отражает ли полученный вариант содержание подлинника. В. Н. Комиссаров прокомментировал подобную установку следующим образом: «Можно представить и такой случай, когда текста оригинала вообще не существует и переводчик самостоятельно создает свой текст, руководствуясь знанием цели или указаниями заказчика» (Комиссаров, 2002, с. 258).

Такая трактовка может показаться некоторым преувеличением, однако Х. Фермеер действительно утверждал, что некоего единого исходного текста не существует, а наличествует только специфически интерпретируемый оригинал для определенного реципиента и в определенное время, а отсюда вполне логично заключить, что, дабы достичь поставленной заказчиком цели, вполне можно создать такое речевое произведение, которое удовлетворяет последней (Прунч, 2015) (и будет соответствующим образом оплачено, хотя об этом напрямую обычно не говорится).

Вместе с тем, как это часто бывает, дальнейшая эволюция обеих концепций привела к некоторому смягчению присущих им изначально крайностей. Применительно к Ю. Найде можно констатировать определенное изменение взглядов самого ученого (показателем чего стало переосмысление понятия динамической эквивалентности в функциональную), представленное в позднейшей работе, имеющейся и в русском переводе (Ваард, Найда, 1998). При этом название оригинала было несколько видоизменено, чем и объясняется их расхождение в списке источников и *References*. Не имея возможности останавливаться на данной книге подробно (достаточно информативное изложение можно найти в работе А. С. Десницкого, посвященной специально вопросам перевода Библии (Десницкий, 2015)), заметим только следующее. Сам Ю. Найда подчеркивал преемственность между названными понятиями (динамического и функционального эквивалентов), рассматривая вторую концепцию как уточнение первой; однако, по словам В. Н. Комиссарова, «американский переводовед в более поздних работах уже не требует такой адаптации текста

перевода, которая переместила бы его в новую/культурную среду и тем самым в значительной степени удалила бы перевод от оригинала. Теперь упор делается на объяснении культурных реалий с помощью ссылок и примечаний. Таким путем достигается правильное понимание текста рецептором перевода, но уже речь идет не об обеспечении одинакового воздействия, как этого требовал принцип динамической эквивалентности» (Комиссаров, 2002, с. 230).

Что касается скопос-теории, то определенные коррективы были внесены в нее ученицей и последовательницей ее создателей К. Норд. Именно выполненный ею перевод основного труда последних на английский язык (см. выше) позволил названной концепции выйти за пределы германоязычной аудитории и получить мировую известность. При этом, подчеркивая свою верность принципам скопос-теории, она одновременно — в качестве своего рода моста между автором исходного текста (роль которого в первоначальном варианте рассматриваемой концепции практически игнорировалась) и принимающей стороной (переводчиком и заказчиком) — ввела понятия лояльности (*loyalty*) и верности (*fidelity*), применяя первое как обозначение межличностного (переводчик/автор), второе — межтекстового (перевод/оригинал) отношения. Однако, поставив второе в подчеркнуто подчиненное положение к первому и выдвигая в связи с этим на передний план не объективное содержание текста, а намерения автора (которые — отметим в скобках — часто представляют собой своего рода додумывание со стороны переводчика, с одной стороны, и могут противоречить тому, что реально вышло из-под пера создателя произведения, — с другой), исследовательница приходит к весьма парадоксальному выводу о возможности истолковать последние в духе, автору противоречащем. Тем самым абсолютизация принципа «цель оправдывает средства», по существу, сохраняется, а следовательно, остается в силе и возможность изменения (а по сути, искажения) подлинника, на которое — по признанию самой К. Норд — автор, возможно, и не дал бы своего согласия (Nord, 2006) (что напоминает известный парадокс Х. Борхеса: «Оригинал неверен по отношению к переводу»).

Заключение

Подводя итог нашему рассмотрению, можно сформулировать следующие выводы:

Во-первых, представляется необходимым уточнить содержание понятия «перевод», отграничив его от других видов межъязыковой/межкультурной коммуникации. При этом речь должна идти не об оценочной характеристике: о превосходстве или, наоборот, недостатке какого-либо типа последней над другим, а именно о *разных*, хотя и тесно соприкасающихся друг с другом явлениях, к каждому из которых предъявляются специфические требования.

Во-вторых, тезис о переводчике как о вторичном авторе, нашедший отражение и в Хартии переводчика, является основополагающим при решении вопроса о том, можно ли считать тот или иной имеющий иноязычный прототип текст переводом или он должен рассматриваться как продукт самостоятельного творчества и, соответственно, подходить к нему следует под другим углом зрения.

В-третьих, исходя из вышесказанного, целесообразно признать, что текст, претендующий на статус именно перевода, не может быть лучше оригинала — в противном случае он должен уже квалифицироваться как иной вид коммуникации.

В-четвертых, при анализе теоретических концепций, рассматривающих вопросы перевода (в нашем случае — теории динамической/функциональной эквивалентности и скопос-теории) необходимо учитывать их последующее развитие как самими авторами, так и их продолжателями, поскольку в ходе последнего исходные положения могут претерпеть определенные изменения, порой достаточно существенные, но рассматриваемые как остающиеся в рамках соответствующей концепции.

В-пятых, представляется нерелевантным при обосновании сознательного отклонения от исходного текста ссылаться на некие намерения автора, а не на объективное содержание подлинника, поскольку такой подход может привести к ничем не ограниченному субъективизму.

Думается, что приведенные положения (во многом носящие дискуссионный характер) могут способствовать дальнейшим исследованиям в области переводоведения.

Список источников

1. Микушевич, В. (1971). Поэтический мотив и контекст. В Т. А. Рузская (Сост.). *Вопросы теории художественного перевода* (с. 6–79). Сборник статей. Е. Д. Вишневская, Т. А. Рузская, К. Д. Трофимов и др. (Редкол.). Художественная литература.
2. Хартия переводчика. *Мастерство перевода 1964* (с. 496–500). Художественная литература.
3. Пушкин, А. С. (1951). О Мильтоне и Шатобриановом переводе потерянного рая. В А. С. Пушкин. *Полное собрание сочинений*: в 10 т. Т. 7, с. 488–502. Издательство Академии наук СССР.
4. Сдобников, В. В. (2016). *Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Московский государственный лингвистический университет].
5. Иванов, Н. В. (2015). Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения). *Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода*, 4, 34–64.
6. Шлепнев, Д. Н. (2018). Переводческая деятельность и целеполагание. Ч. II. Целеполагание в переводоведении: анализ и критика. *Перспективы науки и образования*, 2(32), 192–199. <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskaya-deyatelnost-i-tselepolaganie-chast-ii-tselepolaganie-v-perevodovedenii-analiz-i-kritika>

7. Nida, E. (1964). *Toward a science of translating: with special reference to principles and procedures involved in Bible translating*. Brill.
8. Reiß, K., & Vermeer, H. J. (2014). *Towards a general theory of translational action. Skopos Theory explained. Translated from the German by Christian Nord. English reviewed by Marina Dudenhöfer*. Routledge.
9. Dryden, J. (1992). On translation. *Theories of translation. An anthology of essays from Dryden to Derrida. Edited by R. Schulte and J. Biguenet* (p. 17–31). The University of Chicago Press.
10. Комиссаров, В. Н. (2002). *Современное переводоведение*. ЭТС.
11. Прунч, Э. (2015). *Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической*. Н. И. Рейнгольд (Науч. ред.). Издательство Р. Валент.
12. Ваард, Я. де, & Найда, Ю. А. (1998). *На новых языках заговорят: функциональная эквивалентность в библейских переводах*. Российское библейское общество.
13. Десницкий, А. (2015). *Современный библейский перевод: теория и методология*. Издательство ПСТГУ.
14. Nord, C. (2006). Loyalty and fidelity in specialized translation. *Confluências — Revista de tradução científica e técnica*, 4, 29–42.

References

1. Mikushevich, V. (1971). Poetical motive and context. In T. A. Ruzskaya (Comp.). *Questions of the literary translation theory* (p. 6–79). Collection of articles. E. D. Vishnevskaya, T. A. Ruzskaya, K. D. Trofimov, et al. (Ed. Board). *Hudozhestvennaya literatura*. (In Russ.).
2. The translator's charter. (1965). *The skill of translation 1964* (p. 496–500). *Hudozhestvennaya literature*. (In Russ.).
3. Pushkin, A. S. (1951). On Milton and Chateaubriand's translation of *Paradise Lost*. In A. S. Pushkin. *The complete works*. USSR Academy of Science Publishing House.
4. Sdobnikov, V. V. (2016). *Communicative situation of the translation as the foundation of the translation strategy choice* [Abstract of the dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.20. Moscow State Linguistic University]. (In Russ.).
5. Ivanov, N. V. (2015). Dichotomies in translation: ontological definition of scientific object in translation studies. *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 4, 34–64. (In Russ.).
6. Shlepnev, D. N. (2018). Translational activity and translation purpose. Part II. Analysis and critique of purpose-based theories. *Perspektives of Science and Education*, 2(32), 192–199. <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskaya-deyatelnost-i-tselepolaganie-chast-ii-tselepolaganie-v-perevodovedenii-analiz-i-kritika>. (In Russ.).
7. Nida, E. (1964). *Toward a science of translating: with special reference to principles and procedures involved in Bible translating*. Brill.
8. Reiß, K., & Vermeer, H. J. (2014). *Towards a general theory of translational action. Skopos Theory explained. Translated from the German by Christian Nord. English reviewed by Marina Dudenhöfer*. Routledge.
9. Dryden, J. (1992). On translation. *Theories of translation. An anthology of essays from Dryden to Derrida. Edited by R. Schulte and J. Biguenet* (p. 17–31). The University of Chicago Press.
10. Komissarov, V. N. (2002). *Modern translation studies*. ETS. (In Russ.).

11. Prunch, E. (2015). *The Ways of development of Western translation studies. From language asymmetry to political one*. N. I. Reingold (Scient. Ed.). Izdatel'stvo R. Valent. (In Russ.).
12. Vaard, J. de, & Nida, E. A. (1986). *From one language to another: functional equivalence in Bible translation*. Rossijskoe biblejskoe obshhestvo. (In Russ.).
13. Desnickij, A. (2015). *Modern Bible translation: theory and methodology*. Izdatel'stvo PSTGU. (In Russ.).
14. Nord, C. (2006). Loyalty and fidelity in specialized translation. *Confluências — Revista de tradução científica e técnica*, 4, 29–42.

Информация об авторе

Георгий Теймуразович Хухуни — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения.

Information about the author

Georgy T. Khukhuni — Dr. Sc. (Philology), Professor, Full Professor at Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics Department, Faculty of Linguistics, State University of Education.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.